

УДК 81'42'81'38:81'27

**МЕГАНАРРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МИМИКРИИ
В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

3.3. Чанышева

Статья посвящена меганарративному исследованию имитационных приёмов мимики в дипломатической практике на материале международного дипломатического документа. Цель работы состоит в выявлении роли меганарративной цепи текстов, обрамляющих документ и вскрывающих закулисные приёмы мимики. На разных уровнях меганарратива установлены виды, приёмы и функции мимикрирования участников, маскирующих свои цели в конвенциональном языке дипломатии. Выявлены дипломатические ходы, скрывающие несовместимость позиций сторон и создающие видимость единства и согласия при подписании компромиссного документа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативная теория мимики, виды мимики, политическая мимика, меганарратив, дипломатический язык, дипломатические ходы, приёмы мимики, меганарративное обрамление документа

ЧАНЫШЕВА Зульфира Закиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
chanyshevazz@yandex.ru

Цитирование: Чанышева 3.3. Меганарративное исследование мимики в дипломатической практике [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023, № 4. – С. 1–17. Режим доступа: www.tverlingua.ru

MEGANARRATIVE RESEARCH OF MIMICRY IN DIPLOMATIC PRACTICE

Zulfira Z. Chanysheva

The article is devoted to meganarrative research of simulation techniques of mimicry in diplomatic practice based on the international diplomatic document. The paper aims at revealing the role of a meganarrative chain of texts framing the document and disclosing backstage techniques of mimicry. On different levels of the meganarrative the research establishes kinds, techniques and functions of mimicry of participants masking their aims in the conventional diplomatic language. Diplomatic moves are detected concealing incompatibility of opponents' positions and creating the appearance of unity and seeming agreement in signing the compromise document.

KEY WORDS: communicative theory of mimicry, kinds of mimicry, functions of mimicry, political mimicry, meganarrative, diplomatic language, diplomatic moves, techniques of mimicry, meganarrative framing of the document

CHANYSHEVA Zulfira Z. – DSc in Philology, Professor, Professor of the English language and intercultural communication department of Institute of humanities and social sciences of Ufa University of Science and Technology, Honored worker of higher professional education of the Russian Federation. chanyshevazz@yandex.ru

Citation: Chanysheva Z.Z. Meganarrative research of mimicry in diplomatic practice [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2023, № 4. – P. 1–17. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение: постановка проблемы

Термин мимикрия, возникнув в 1637 году как зоологическое понятие, первоначально использовался для обозначения особенных случаев внешнего сходства между различными видами животных на примере подражательной окраски (Г.У. Бейтс, П. Виньон, М.Г. Эмсли, Ф. Мюллер, А.Р. Уоллес). Р.

Кайуа, описывая подобные случаи, отмечает сложность определения сути такого подражания, так как «такое сходство не установлено объективно, а во-вторых, речь идет скорее о чарующей фасцинации, чем о мимикрии» (Кайуа, 2003: 83).

В контексте мимикрии животных и растений была поставлена важная проблема отношений между живым организмом и пространством, а также сформулирована тема воображения в поведении человека, поскольку «...потребность порождает либо инстинкт, либо воображение, способное выполнять ту же роль, то есть побуждать индивида к соответствующему поведению» (Кайуа, 2003: 104).

Постепенно понятие мимикрии распространилось за пределами естественных наук, а содержание обозначающего его слова пополнилось за счёт метафорического значения: *беспринципное приспособление к окружающим общественным условиям* (книж. неод.) (Ушаков [www](#)). Этим приёмом пользовался Л.Н. Толстой, создавая речевой портрет А. Каренина (*тон насмешки, пронзительный, детский и насмешливый голос, говорил невольно ...в своем обычном шуточном тоне, подтрунивая над кем-то* (Толстой, [www](#)). В переводе фрагментов речи Каренина на английский язык использованы приёмы многословного описания, передающие смысловые импликации этого знака голосовой паралингвистики, выражающего неискренность, притворство, двуличие человека: ср. «...и тот его обычный тон представления кого-то был как нельзя более удобен для его теперешних отношений к жене» (Толстой [www](#)) и перевод: “...and that habitual tone of his bantering mimicry was the most convenient tone possible for his present attitude to his wife” (Tolstoy [www](#)).

Экскурс в историю мимикрии показывает, что подражание изначально имело значительный потенциал функционального разнообразия в поведении, ставшего предметом исследования в современных направлениях антропоцентрической научной парадигмы.

Методология исследования

Внедрение понятия мимикрии в коммуникацию людей внесло в содержание цели подражания осознанную и планируемую интенцию человека, и мимикрия приобрела установочный целевой характер, приблизившись по своей функции к инструментам манипулирования массовым сознанием. Эти изменения в характере подражания легли в основу теории коммуникативной мимикрии В.Б. Кашкина, определившего её как ситуации, когда «отправитель имеет намерение скрыть свои цели полностью или частично» (Кашкин, 2007: 90). Наибольший вред агрессивная коммуникативная мимикрия наносит в политической сфере, так как невозможно требовать от избранного политика выполнения обещаний, поэтому читатель должен уметь распознавать маркеры текста, которые маскируют реальные цели политика, упаковывающего свои намерения в удобные для восприятия языковые формы. Приёмы мимикрии активно используются в ситуациях кризисной коммуникации, выполняя своего рода психотерапевтическую роль для сохранения единства своих сторонников (Кашкин, 2003). Как отмечает Е.И. Шейгал, мимикрируя единство, участники коммуникации готовы «поступиться информативной функцией, нежели фатической и объединительной» (Шейгал 2000, 46-47, 127-131).

Взгляд на мимикрию как приспособление к внешней среде выявляет её свойства: адаптация к социально-политической ситуации (Данчевская, 2017), эмоциональные факторы вживания в нужный образ (Штеба, 2018) и провоцирования «эффекта хамелеона» (Lakin, 2003), язык и невербальные средства маскировочной функции, имитационные технологии мимикрии как способ повышения эффективности коммуникации (Колтышева, 2008; Дзялошинский, 2012).

Приёмы политической мимикрии преследуют цель укрепления доверия к власти и реализуются как интенция маскировки сближения с народом, демонстрации равенства в обществе (Смарт, 2016).

Наши наблюдения над особенностями дискурсивных практик использования мимикрии показывают, что они перешагнули национальные границы внутренних политических отношений и оказались востребованными в сфере геополитических контактов, в частности, в области международных дипломатических документов. Нередко несовместимость позиций сторон пытаются скрыть с целью создания видимости согласия сторон и обеспечения впечатления баланса интересов, используя «осторожный „эзопов язык“, который дает возможность, сохраняя дипломатические приличия» (Никольсон, 1941: 129-130), сделать нужное предупреждение или настоять на своих условиях и требованиях.

Исследование мимикрии в дипломатической практике за маской осторожного языка считаем возможным проводить с опорой на меганарратив. Меганарратив, определяемый как «крупная транстекстуальная полидискурсивная единица, функционирующая в форме незамкнутой в пространстве и неограниченной по времени их создания совокупности нарративов, соотносимых друг с другом на базе системы координат определенного события, удерживаемых единством темы» (Чанышева 2021: б), включает в зависимости от времени события и его отражения следующие виды нарративов: предшествующий, последующий, одновременный, включённый (*anterior, posterior, simultaneous, intercalated*) (Prince, 2005: 380). Имитационные приёмы мимикрии раскрываются на материале анализа и интерпретации меганарративного обрамления документа. Меганарративная рамка события представлена в работе как цепь разных видов нарративов:

– предсобытийных нарративов о преднамеренном порядке ситуативных действий организаторов предстоящего саммита, направленных на подготовку желательных перспектив и организацию желаемого исхода события;

– нарративов, появившихся в медийной коммуникации параллельно с длительным обсуждением нескольких проектов декларации по причине глубоких расхождений во взглядах участников встречи;

– постсобытийных нарративов, содержащих эмоционально-оценочные отклики на документ в трёх видах дискурса: институционального (реакция представителей властных структур), медийного (реакция медийных изданий и медиажурналистики) и личностного (реакция известных субъектов, высказывающих независимые суждения), в совокупности отражающих социально-политические и идеологические взгляды в медиапространстве.

Анализ материала и результаты исследования

В контексте существующих конфликтов в мире интерес представляет Нью-Делийская Декларация политических лидеров стран G20, подписанная 09 сентября 2023 г. В настоящей статье представлен меганарративный анализ информации, направленный на раскрытие приёмов мимикрии в указанном документе. Исследование предсобытийного нарративного обрамления события показало активные шаги премьер-министра Индии Н. Моди на посту председателя заседания, направленные на подготовку благоприятного результата саммита, рассчитывая на поддержку влиятельного на Западе политического игрока: *visit to the USA as a seminal moment between the two countries, an opportunity for the U.S. to seize on India's "untapped" economic potential. ...one of the defining relationships of the 21st century... a vital bulwark against China... new agreements on defense, technology and climate... India ... as a bridge in a gap between the North and South... India's "vision of inclusiveness"* (www.wsj). В начале встречи Н. Моди эмоционально призвал участников преодолеть «глобальный дефицит доверия» и перейти к отношениям доверия и надёжности: *"India calls upon the world to come together to transform the global trust deficit into one of trust and reliance. This is the time for all of us to move together"* [edition.cnn], а демонстрацией единства укрепить позиции организации в Глобальном Юге: *"India no doubt hopes to boost its profile as a Global South leader by focusing on issues like climate change and global food prices"* (responsiblestatecraft.org). Создание тёплой и дружеской атмосферы гостеприимства, личные контакты и фото с

делегациями, эмоциональные воззвания председателя к единению и доверию, использование культурных символов и т.д. сыграли психологическую роль, настроив участников встречи на положительное отношение к предстоящей работе и способствовали достижению взаимопонимания и компромисса.

Этап обсуждения проектов Декларации и формулировок принимаемых решений затянулся на 20 с лишним дней ввиду несовместимости позиций участников саммита по повестке дня и острых разногласий по украинскому вопросу, получив отражение в нарративах, появившихся в СМИ одновременно с работой комитетов. Текст Декларации, состоящий из 10 разделов и 83 пунктов, объединенных девизом “One Earth, One Family, One Future” (New Delhi), отражает задачи создания глобального образа мировой экономики, столкнувшейся с серьёзными вызовами и требующей объединения усилий для их решения. Усиление разногласий по спорным темам побудило нас обратить внимание на языковые средства выражения отношения участников встречи к формулировкам документа. В целом, анализ установил использование конвенциональных средств дипломатического языка в тексте в результате установления консенсуальной формы общения, призванной обеспечить основную цель встречи – достижение единства и согласия участников по обсуждаемым вопросам:

- сквозное использование в тексте личного (**WE/US**) и притяжательного (**OUR**) местоимений для подчёркивания совместного авторства документа и, следовательно, признания коллективной ответственности за выполнение его положений;

- использование числительного **ONE** как символа единства, целостности и сплочённости организации;

- использование местоимения **ALL** для выражения идеи сопричастности, всеобщей вовлечённости, с полным охватом всех без исключения;

- использование лексемы **UNITE** и синонимов **INCLUSIVE / INCLUSIVITY / INCLUSION** для выражения включённости всех в общий процесс на равных условиях, исключающих любые формы дискриминации;
- использование наречия **TOGETHER** со значением объединения в совместной деятельности для достижения общих целей;
- использование глаголов со значением обязываемого заявлением участия в планируемых акциях по борьбе с общими глобальными вызовами (New Delhi).

Перечисленные разряды единиц указывают на приоритетность объединительной и фатической функций, уточняя их содержание. Сам текст Декларации насыщен 'местоимениями с распределенной ответственностью' (*we, us, our*), апелляциями к единению и согласию, призывами к совместному участию в будущих проектах. Камнем преткновения при обсуждении явился украинский вопрос, по которому в текст не включено решение в формулировке, предложенной западными делегациями. В результате организационных уловок вопрос был снят с обсуждения, а в пункте 8 '*concerning the war in Ukraine*' записано общее требование о необходимости соблюдать принципы и цели Устава ООН о недопущении применения силы или угрозы силой и нарушения территориальной целостности любых стран.

В качестве отвлекающего манёвра интерес не раз переключали с выходящих из-под контроля проблем на менее спорные вопросы (Green Development Pact for a Sustainable Future, Gender Equality and Empowering All Women and Girls, G20 Toolkit on Cyber Education and Cyber Awareness of Children and Youth) и многие другие.

Результатом второго этапа анализа было установление языковых средств выражения общепринятой и согласованной позиции, демонстрирующей единство участников и маскирующих существующие разногласия.

Постсобытийное обрамление текста в меганарративной цепи представлено нарративами с противоречивыми оценочными реакциями в

разных видах дискурса. Высокая оценка документа как итога упорной работы всех команд содержится в словах Н. Моды: "*On the back of the hard work of all the teams, we have received consensus on the G20 Leaders Summit Declaration*" (www.hindustantimes). Как «безусловный успех» оценил встречу глава российской делегации, отметив роль организаторов и единомышленников, «не позволивших превращать деятельность структуры... в некий «политизированный кружок» (www.mid.ru). Позитивно отреагировал на одобрение принципа неприменения силы и соблюдения территориальной целостности других стран советник Дж. Байдена по национальной безопасности Дж. Салливан: "...*the principle that states cannot use force to seek territorial acquisition or to violate the territorial integrity and sovereignty or political independence of other states*" (www.reuters). Официальные представители Германии и Франции также приветствовали принятие Декларации.

Среди личностных реакций привлекает внимание высокая оценка Декларации в ситуации расколотого мира бывшим государственным чиновником Индии А. Kantha: "*It is a most remarkable achievement in a fractured world,.. <...>.... New Delhi has managed the tightrope balance between the two sides*" (www.aljazeera). Компонентный анализ показывает, какой ценой достигнут консенсус: tightrope – a tightly stretched wire or rope fixed high above the ground, across which skilled people walk, especially in order to entertain others (Cambridge) – образ компромисса создан как балансирование на туго натянутом канате на краю пропасти.

Позитивный комментарий предлагает в своём анализе российский историк Н.В. Стариков, подчеркнув, что участники встречи «приветствовали усилия по достижению «всеобъемлющего, справедливого и прочного мира» (nstarikov.ru).

Украинский чиновник О. Николенко выразил крайнее недовольство: "*the G20 has nothing to be proud of*" (в Декларации гордиться нечем) (edition.cnn). Лаура Русу, бывший зам. директора PR департамента,

оценила документ как не вдохновляющий и не впечатляющий: “*uninspiring and underwhelming*” *with no action being taken to tackle poverty, inequality and climate change*” (www.oxfamamerica) из-за отсутствия конкретики по актуальным проблемам.

В западных медийных изданиях бросается в глаза жёсткая критика, на их взгляд, явного диссонанса между характером обсуждения проектов и обтекаемым языком документа: *watered-down declaration* (theguardian). Словарная дефиниция выражения *watered-down* (made less extreme than it originally was, usually so that people are more likely to accept it (Cambridge) – обеднённый, опустошённый) подчёркивает резкий контраст между первоначальной и финальной формулировкой вопроса, более приемлемой для его одобрения. Подчёркнуто несогласие с отсутствием резолюции по украинскому вопросу с осуждением российской политики по якобы неясной причине (*not the platform to resolve geopolitical issues*) (www.thehindu); отмечается неудовлетворительный характер обсуждения декларации: *tip-toe around Russia's invasion* (tip-toe – be wary or silent (Cambridge) – угодить, принаравливаться); *painstakingly negotiated declaration* (extremely careful and correct) (Cambridge) и вынужденная необходимость подписать документ (*we had to accept that* – модальность обстоятельственной необходимости) (foxnews).

Комментарий редакции CNN расценивает компромиссное заявление не более, чем как личную удачу председателя саммита: *The eventual compromise statement amounted to a coup for the summit's host, Indian Prime Minister Narendra Modi* (edition.cnn). Компонентный анализ словарной дефиниции лексемы *coup* - brilliant, sudden, and usually highly successful stroke or act (cambridge) показывает, что плодотворное завершение саммита является блестящим, но неожиданным успехом Н. Моди. Западные СМИ расценили декларацию как якобы капитуляцию перед российским президентом: “*the 'war in Ukraine' instead of the 'war against Ukraine' in a capitulation to Putin, who wasn't even there* (www.businessinsider).

Таким образом, трёхэтапный анализ меганарративной рамки события подписания международного дипломатического документа показывает, что Декларация носит характер вынужденного компромисса между сторонами и стремится создать видимость единства и согласия участников саммита, скрывая несовместимость позиций по спорным вопросам и акцентируя внимание на более удобных и нейтральных темах. С этой целью использованы приёмы мимикрии, которые позволил раскрыть анализ меганарратива, представляющего цепь нарративов, создающих объёмную картину саммита и отражающих многоголосие и разнонаправленность позиций сторон и их оценку в комментариях.

Заключение

По итогам саммита сложилась уникальная ситуация, когда один и тот же документ был воспринят как победа одними и как поражение – другими. Несовместимость позиций сторон при обсуждении проектных решений документа оказалась преодолённой только на бумаге. Меганарративная рамка события вскрывает разные виды, приёмы и функции мимикрии с целью создания видимости единства и сглаживания острых углов. На предсобытийном этапе установлены следующие тактики: опора на активаторы эмоциональной и психологической мимикрии; использование организаторами ситуативно-контекстуальных обстоятельств как способов политической мимикрии для обеспечения поддержки США и продавливания нужных решений; создание психологически комфортной атмосферы взаимопонимания и доверия. На этапе обсуждения проектов и принятия формулировок текста: приём коллективной мимикрии демонстративного единства в приоритезации объединительной и фатической функций в ущерб конкретике информационной, аргументационной, организационной и других функций; приёмы социолингвистической мимикрии в подчёркивании командного духа как принципа единения и сплочённости; процессуальная мимикрия в манипулировании повесткой дня (снятие неудобных вопросов с

обсуждения; переключение внимания на нейтральные темы с острых вопросов; ситуативное приспособление к требованиям сторон для достижения компромисса); элементы коллективной агрессивной мимики в амбициозной настроенности на сохранение лидирующей позиции организации в регионе Глобального Юга и усиление её влияния в мире. На постсобытийном этапе: признание вынужденного характера дипломатического заявления в англоязычной прессе; разоблачение закулисных приёмов мимики для достижения компромисса; сохранение противоречивых позиций сторон по спорным вопросам; жёсткая критика документа по конфликтным ситуациям; возобновление в западной прессе «чёрной» риторики в адрес России, её союзников, единомышленников и партнёров.

Источники – Primary Sources

Стариков, 2023 – *Стариков Н.В.* Запад не останавливает попыток вернуть мир в однополярную реальность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nstarikov.ru/zapad-ne-ostavljaet-popytok-vernut-mir-v-odnopoljarnuju-realnost-o-glavnyh-itogah-dvuhdnevnogo-sammita-gruppy-dvadcati-g20-v-nju-deli-14957689> (дата обращения: 30.11.2023)

Толстой, 2023 – *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://онлайн-читать.рф/толстой-анна-каренина/> (дата обращения: 26.11.2023)

New Delhi Leaders' Declaration (2023) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.g20.org/content/dam/gtwenty/gtwenty_new/document/G20-New-Delhi-Leaders-Declaration.pdf (дата обращения: 25.11.2023)

Siddiqui S. (2023) *On the Menu for Narendra Modi US Visit: Countering China* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/on-the-menu-for-narendra-modi-u-s-visit-countering-china> (дата обращения: 25.11.2023)

Mogul R. (2023) *India is hosting the G20 as the world faces crisis. For Modi, it's a chance to shine* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2023/09/08/india/g20-summit-india-modi-analysis-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 25.11.2023)

Echols K. (2023) *G20 sets up Western clash with a Rising Global South* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://responsiblestatecraft.org/g20-summit-2023/> (дата обращения: 30.11.2023)

India PM Modi says G2- leaders' declaration adopted (2023) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hindustantimes.com/india-news/consensus-on-g20-summit-leaders-declaration-achieved-announces-pm-modi-101694255563988> (дата обращения: 24.11.2023)

«Безусловный успех»: Лавров подвёл итоги саммита G20 (2023) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1903728/ (дата обращения: 24.11.2023)

Golubkova K., Rose M., Kumar M. *Delhi G20 summit confirms isolation of Russia, Macron says* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/russia-says-g20-declaration-balanced-summit-moves-final-day-2023-09-10/> (дата обращения: 24.11.2023)

Bahree M. (2023) *Is India Breaking-up with Russia?* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/features/2023/9/8/g20-summit-is-india-breaking-up-with-russia> (дата обращения: 24.11.2023)

Liptak K. (2023) *Russia hails G20 a 'success' but declaration riles Ukraine* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2023/09/10/europe/russia-g20-unconditional-success-intl/index.html> (дата обращения: 23.11.2023)

Rusu L. (2023) *An underwhelming G20 skates over the big issues of poverty, inequality, and climate* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfamamerica.org/press/press-releases/an-underwhelming-g20->

skates-over-the-big-issues-of-poverty-inequality-and-climate/ (дата обращения: 23.11.2023)

Wintour P. (2023) *Watered-down G20 statement on Ukraine is sign of India's growing influence* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/10/watered-down-g20-statement-on-ukraine-is-sign-of-indias-growing-influence> (дата обращения: 24.11.2023)

Krishnan A. (2023) *New Delhi Declaration reaffirms G-20 is body for economic issues, 'not geopolitics'* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/international/new-delhi-declaration-reaffirms-g-20-is-body-for-economic-issues-not-geopolitics-china/article67296205.ece> (дата обращения: 27.11.2023)

Vacchiano A. (2023) *G20 declaration tip-toes around Russian invasion of Ukraine: 'Not the platform to resolve geopolitical issues'* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foxnews.com/world/g20-declaration-tip-toes-russian-invasion-ukraine-platform-resolve-geopolitical-issues> (дата обращения: 27.11.2023)

Davis Ch.R. (2023) *G20 members agree to refer to Russia's invasion of Ukraine as the 'war in Ukraine' instead of the 'war against Ukraine' in a capitulation to Putin, who wasn't even there* [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.businessinsider.com/g20-statement-no-longer-says-russia-fighting-against-ukraine-2023-9 (дата обращения: 27.11.2023)

Tolstoy L. (2023) *Anna Karenina* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.fulltextarchive.com/book/Anna-Karenina/> (дата обращения: 26.11.2023)

Ссылки – References in Russian

Данчевская, 2017 – Данчевская О.Е. Социолингвистическая мимикрия //Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Вып. 15. – М.: Национальный книжный центр, 2017. – С. 37–47.

Дзялошинский, 2012 – *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. Монография. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.

Кайуа, 2003 – *Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.

Кашкин, 2007 – *Кашкин В.Б.* Основы теории коммуникации. Краткий курс. 3-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 241 с.

Кашкин, 2003 – *Кашкин В.Б.* Коммуникативная мимикрия и социальная власть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/CommMimicry.htm> (дата обращения: 26.11.2023)

Колтышева, 2008 – *Колтышева Е.Ю.* Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте: на материале англоязычных глянцевого журналов для женщин: автореф. дис. ... канд. филол. н. – Ярославль. – 2008. – 24 с.

Никольсон, 1941– *Никольсон Г.* Дипломатия / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.А. Трояновского; – М./Л.: Гос. изд. полит. лит. – 153 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vdocuments.site/55720b44497959fc0b8c1e89.html?page=> (дата обращения: 26.11.2023)

Смарт, Боровский, Бондаренко, 2016 – *Смарт Дж., Боровский А., Бондаренко Н.* Политическая мимикрия во время президентской кампании на Украине в 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dspace.usm.md:8080/xmlui/handle/123456789/7812> (дата обращения: 26.11.2023)

Чанышева, 2021 – *Чанышева З.З.* Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации // Медиалингвистика. – Санкт-Петербург, Т. 8. 2021, № 3. – С. 206–219.

Шейгал, 2000 – *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград: «Перемена», 2000. – 368 с.

Штеба, 2018 – Штеба А.А. Наследие К.С. Станиславского, или принципы эмоциональной мимикрии [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 2. – С. 51–64. Режим доступа: www.tverlingua.ru

References

Chanysheva, Z. Z. (2021). Meganarrative as an instrument of structuring media information // *Medialinguistics*. Sankt-Peterburg, No. 8, iss. 3, pp. 206–219. (In Russian)

Danchevskaya, O.E. (2017) Sociolinguistic mimicry. Selected scientific papers // *Sbornik nauchnyh trudov*. No. 15. M., Natsionalnyi knizhnyi tsentr, pp. 37–47. (in Russian)

Dzyaloshinskiy, I.M. (2012) *Communicative Impact: targets, strategies, technologies*. Monografiya, M., NIU VSHE, 572 p. (In Russian)

Kaiua, R. (2003) *Myth and man. Man and the sacred*, M., OGE, 296 p. (In Russian)

Kashkin, V.B. (2007) *Foundations of communication theory. A Shorter Course*, 3 izd. pererab. i dop, 241 p. (In Russian)

Kashkin, V.B. (2003) *Communicative mimicry and social power* [Electronic resource]. Access mode: <http://kachkine.narod.ru/Articles2003/CommMimicry.htm> (date of access: 26.11.2023) (In Russian)

Koltysheva, E.Yu. (2008) *Manipulative impact in modern advertising text: based on English glossy magazines for women: avtoref. dis...kand. philol. n. Yaroslavl*, 24 p. (In Russian)

Lakin, J.L., Jefferis, V.E., Cheng, C.M., Chartran, T.L.(2003) *The Chameleon Effect as Social Glue Evidence for the Evolutionary Significance of Nonconscious Mimicry* [Electronic resource]. Access mode: <https://www.semanticscholar.org/paper/> (date of access: 26.11.2023) (In English)

Nicolson H. (1941) *Diplomacy. Translated from English, edited by A.A. Troyanovski*. M.L. Gos. izdat.polit. literatury. 153 p. [Electronic resource]. Access

mode: <https://vdocuments.site/-55720b44497959fc0b8c1e89.html?page=> (date of access: 26.11.2023) (In Russian)

Prince, G. (2005) *On a Postcolonial Narratology // A Companion to Narrative Theory*. Ed. by Phelan J., Rabinowitz P. Oxford, Blackwell Publishing Ltd. pp. 372–381. (In English)

Smart, J., Borovskiy, A., Bondarenko, N. (2016) *Political mimicry during the presidential election campaign in Ukraine in 2014* [Electronic resource]. Access mode: <http://dspace.usm.md:8080/xmlui/handle/123456789/7812> (In Russian).

Sheigal, E.I. (2000) *Semiotics of political discourse*, Volgograd, “Peremena”, 368 p. (In Russian)

Shteba, A.A. (2018) K.S. Stanislavski’s legacy or principles of emotional mimicry] [Electronic Resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 51–64. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)